

Лю Фуфэн замерла за дверью, прислушиваясь. Через мгновение она поняла, что в комнате двое: один старательно играет, другой терпеливо объясняет. Это было совсем не похоже на то, что она себе представляла — будто Цинь Цинъюэ принуждает Чэн Чэ силой, или будто сам Чэн Чэ нарочно изводит учителя. Напротив, между ними царила полная гармония.

Это заставило Лю Фуфэн задуматься.

В присутствии Цинь Цинъюэ Чэн Чэ вел себя совершенно иначе, чем с ней или с отцом. Перед Чэн Шаном он был заносчив и капризен, а отец, души не чаявший в сыне, баловал его без меры, не позволяя себе ни ударить, ни даже отчитать его за грубость.

Когда же Чэн Чэ оставался с Лю Фуфэн, их общение превращалось в бесконечную череду ссор: от пустяков вроде утреннего подъема до фундаментальных взглядов на музыку и инструменты. Не было ни единого вопроса, по которому они не схлестнулись бы в споре.

Супруги видели бунтарство сына, и на душе у них было беспокойно, но что поделать? У них был лишь один этот драгоценный ребенок.

И вот теперь, рядом с Цинь Цинъюэ, Чэн Чэ стал кротким, как котенок, послушнее некуда. Поразмыслив, Лю Фуфэн пришла к выводу, что, вероятно, они с мужем просто не нашли верного подхода. Чэн Шан был слишком мягок и беспринципен, а она сама — слишком строга и лишена мягкости. Всю жизнь она привыкла действовать решительно и не могла общаться с сыном ласково.

А Цинь Цинъюэ был терпелив, но имел свои границы, не позволяя Чэн Чэ садиться себе на шею. К тому же, ровесникам всегда легче найти общий язык. Как там говорят? Видимо, они просто встретили подходящих друг другу людей.

Лю Фуфэн попыталась себя утешить, хотя последняя мысль показалась ей какой-то странной.

Вместе с дворецким она тихо спустилась вниз.

— Я спешу, мне пора. Не говори Чэ-чэ, что я заходила, а то еще обидится, что я приехала и не навестила его. Гу Чэнь поживет в главном доме некоторое время. Заботься о нем так же тщательно, как о господине Цине. Если возникнут проблемы в общении с Чэ-чэ, сразу звони мне.

— Слушаюсь, госпожа.

Дворецкий подал ей верхнюю одежду. Лю Фуфэн, чеканя шаг, направилась к выходу.

— Я сама выйду. Ты пока проводи гостя, покажи ему дом. И еще — не мешайте Чэ-чэ заниматься.

— Слушаюсь, госпожа.

Мутоу, мама ушла? — мысленно спросил Чэн Чэ.

Ушла.

Вот ведь, а я думал, она зайдет похвалить, — проворчал Чэн Чэ и снова погрузился в музыку.

Вдруг снизу донесся оглушительный грохот.

Чэн Чэ, чья мелодия лилась плавно и непрерывно, резко оборвал игру. Он и Цинь Цинъюэ переглянулись.

— Сходи посмотри, заодно и время обеда подходит, — Цинь Цинъюэ начал собирать ноты, жестом предлагая Чэн Чэ спуститься. В конце концов, здесь хозяин — он, а гостю, живущему в этом доме, не стоит лишний раз показываться.

— Хорошо.

Чэн Чэ не опасался никакой опасности — скорее всего, кто-то из слуг при уборке разбил какую-нибудь безделушку.

— Что случилось? — спускаясь по лестнице, Чэн Чэ увидел дворецкого, беседующего с каким-то юношей.

Услышав голос хозяина, дворецкий в испуге поклонился:

— Молодой господин! Прошу прощения, что помешал вашим занятиям...

— Ничего страшного. А это кто? — Чэн Чэ не стал придирается и перевел взгляд на незнакомца, уже догадываясь, кто перед ним.

— Молодой господин, это господин Гу Чэнь, которого привезла госпожа. Она распорядилась, чтобы он временно здесь остановился, — дворецкий отступил на шаг.

— Простите... я не хотел ломать дверь, — юноша выглядел крайне сконфуженным, сжимая в руках изящную дверную ручку. Похоже, он приложил слишком много силы и просто оторвал её.

Чэн Чэ невольно ахнул. Это была массивная позолоченная ручка из цельного дерева — такую и нарочно не оторвешь.

— Все в порядке... это моя дверь оказалась недостаточно прочной, — Чэн Чэ забрал обломок и отдал дворецкому. — Вели заменить дверь. А я сам покажу нашему гостю дом, ты свободен.

— Слушаюсь, молодой господин.

— Вы ведь потомок Клана Барабана? — Чэн Чэ протянул руку. — Я Чэн Чэ, наследник Клана Фортепиано. Рад знакомству.

Гу Чэнь долго колебался, прежде чем коснуться нежной руки Чэн Чэ. Его рукопожатие было неловким, он едва коснулся ладони и тут же отпрянул.

Кто-то другой счел бы это грубостью, но Чэн Чэ, подумав, что гость из далеких краев может иметь иные обычаи, решил, что Гу Чэнь просто боится навредить ему своей силой.

— Это наш этикет, знак дружбы, — дружелюбно сказал Чэн Чэ. — А как здороваются у вас?

Гу Чэнь, отпустив руку, спохватился, что, возможно, опять все сделал не так. Но услышав слова Чэн Чэ, он застенчиво почесал затылок:

— Ты первый, кто об этом спросил.

Гу Чэнь сжал правую руку в кулак, постучал себя по левому плечу и слегка кивнул:

— Так мы приветствуем незнакомцев или женщин. А со своими мы бьем друг друга по плечу. Но... — он замялся, не решаясь закончить. С тех пор как он приехал, он ни с кем не смел так здороваться, боясь свалить человека с ног одним ударом.

Чэн Чэ понимающе улыбнулся и сам подошел, чтобы постучать Гу Чэня по плечу — правда, из-за разницы в росте это вышло не слишком удобно.

— Давай так. Я буду бить тебя, я ведь не боюсь, что твоя сила меня травмирует. Впредь, если встретишь кого другого, просто кланяйся, так никто не поймет тебя превратно.

— Спасибо! Ты хороший человек, — для члена клана, не придающего значения этикету, это была высшая похвала.

— У нас гости? — Цинь Циньюэ подошел уже некоторое время назад. Он хотел было вмешаться, если бы юный господин устроил истерику, да и хрупкая фигура Чэн Чэ не выглядела ровней Гу Чэню. Но, похоже, они поладили.

— Привет! — Гу Чэнь, не откладывая в долгий ящик, тут же постучал себя по плечу, хотя Цинь Циньюэ был еще довольно далеко.

Чэн Чэ и Цинь Циньюэ рассмеялись. Цинь Циньюэ, сдерживая улыбку, ответил на приветствие. Выглядело это комично: двое людей кланяются друг другу через десять метров.

— Здравствуйте, господин Гу. Я Цинь Циньюэ, домашний учитель Чэн Чэ, — представился он, подходя ближе.

— О! Я слышал о тебе! Ты мастерски играешь на скрипке! — глаза Гу Чэня заблестели.

— Раз уж вы знакомы, мне не нужно вас представлять, — Чэн Чэ взял Цинь Циньюэ за руку. — Пойдемте в столовую, кухарка наверняка уже все приготовила.

Племя Клана Барабана любило мясо — огромные куски мяса. Поэтому на столе соседствовали изысканные тарелки Чэн Чэ и Цинь Циньюэ, уставленные мелкими блюдами с деликатесами, и целые горы жареного мяса для Гу Чэня. Увидев их, Гу Чэнь просиял. За последние дни, сопровождая вождя на приемах, он привык к тому, что еда там была лишь украшением, а не

пищей.

— Гу Чэнь, ты привез свой барабан? — спросил Чэн Чэ, когда они с Цинь Цинъюэ уже давно закончили трапезу, а Гу Чэнь всё продолжал уничтожать тарелку за тарелкой. Чэн Чэ с сочувствием наблюдал за ним — говорят, барабан требует огромных физических усилий, и, глядя на гостя, он в это охотно верил.

— Привез! Но дворецкий его куда-то убрал, не знаю куда, — Гу Чэнь не знал правила не разговаривать во время еды. Он ответил, не переставая жевать, и Чэн Чэ поразился, как четко тот умудряется выговаривать слова с полным ртом.

Дворецкий, стоявший рядом, тут же отозвался:

— Я распорядился перенести его в гостевую музыкальную комнату.

— Здорово! Я никогда не видел барабанную музыку. Когда отдохнешь, покажешь? Говорят, ваша система сильно отличается от других кланов, — Чэн Чэ был полон любопытства. Он слышал, что их музыка способна сотрясать небеса, призывая духов и умирив демонов.

— Без проблем. Можно хоть сегодня после обеда, — Гу Чэнь не стал отказываться, но добавил: — Только не в доме, ваша комната слишком мала.

Дворецкий нахмурился: их музыкальный зал был размером с концертный холл, как он может быть мал?

Гу Чэнь, поняв, что снова сказал что-то не то, поспешил объяснить:

— Я имел в виду, что наши барабаны не подходят для закрытых помещений. Лучше выйти на улицу.

Чэн Чэ спокойно добавил:

— Это музыка, способная потрясти богов и демонов, в нашем маленьком зале ей тесно. Дворецкий, подготовь площадку в охотничьей зоне в лесу.

Дворецкий, уловив нотки недовольства в голосе молодого господина, покорно отправился исполнять приказ.

В былые времена наследник Клана Фортепиано построил возле поместья охотничий полигон. Сейчас это увлечение вышло из моды, и площадка превратилась в место для пикников. Опасных зверей давно изгнали, остались лишь безобидные кролики, которые, не боясь людей, бегали по траве.

Гу Чэнь, увидев кроликов, облизнулся. Несмотря на плотный обед, охотничий инстинкт взял свое.

— Господин Гу, мы не знали, как установить ваш инструмент, так что придется вам самому, — дворецкий спас невинных зверьков.

Гу Чэнь с сожалением посмотрел на кроликов и подошел к барабану.

— Нам не нужны особые условия, наши барабаны прочные, — он легко поднял полутораметровый инструмент и водрузил его на стойку. Белая кожаная мембрана, деревянный корпус, по бокам медные кольца с красными лентами. Гу Чэнь вытащил палочки, чтобы размяться.

Он переоделся. Без стесняющего движений костюма он напоминал зверя, выпущенного в родную стихию. Его мощное тело, покрытое бронзовым загаром, покрылось мурашками от весенней прохлады. На нем были лишь белые штаны, перевязанные красными лентами у колен, и медные бубенцы на щиколотках, звенящие при каждом шаге.

Удары палочек по барабану были медленными, но тяжелыми. Гу Чэнь разогревался.

— У нас много барабанов. Есть маленькие, в пять дюймов, которые можно обнять, а есть такие, как этот, — он улыбнулся Чэн Чэ и Цинь Цинъюэ. — Обычно мы поем и танцуем под музыку. Смотрите!

Ритм ускорился. Гу Чэнь начал двигаться, и бубенцы на его ногах зазвучали в такт.

— А-а-а! — из его горла вырвался грозный рык, подобный тигриному. Кролики, только что крутившиеся у ног Чэн Чэ, в ужасе бросились врассыпную.

— Дун! Дун! Дун! — монотонный звук барабана под его руками обрел душу, сотрясая саму землю.

— Потрясающе... — прошептал Чэн Чэ.

Гу Чэнь преобразился: из простоватого юноши он стал диким и необузданным повелителем, не боящимся ни богов, ни демонов.

Он запел — суровая военная песня, доносящаяся из глубины веков.

— Разве скажешь, что нет у тебя одежды? — удар в мембрану.

— С тобою делю я халат! — удар в корпус.

— Царь поднимает войска! — два удара по ободу.

— Точу я копье и меч! — звон бубенцов.

Ритм становился все быстрее, Чэн Чэ едва успевал следить за руками Гу Чэня. Он и не подозревал, что один барабан может издавать столько звуков. Это была дикая, первобытная ярость.

Лицо Гу Чэня покраснело, на его спине проступил яркий татуированный узор. Песня становилась все громче, все выше!

Последний звук замер в воздухе, и казалось, что души слушателей вознеслись к самым небесам.

— Ха-ха-ха! Свобода! Настоящая свобода! — Гу Чэнь, истосковавшийся по дому, был счастлив.

Он отбросил палочки, поднял барабан, вытянул красные ленты и, прыгнув на него, начал танцевать. На его спине ожил татуированный тигр, чьи свирепые глаза, казалось, сверлили Чэн Чэ. Но тот не боялся — в этом была высшая, дикая красота.

Гу Чэнь использовал ступни как молоты, каждый его прыжок был ударом. Красные ленты развевались, контрастируя с темной кожей.

— Мой род! Священная мощь! Сотрясает весь мир! — гремел он.

Энергия Гу Чэня казалась неисчерпаемой. Лишь когда сумерки сгустились и дворецкий зажег костер, он остановился.

— Молодой господин... здесь становится небезопасно, — прошептал дворецкий.

Гу Чэнь, тяжело дыша, застенчиво почесал затылок, вновь становясь обычным парнем. Если бы не татуировка, Чэн Чэ решил бы, что перед ним другой человек.

— Давно хотел спросить, что это у тебя на спине? Сначала не было, а потом появилось, — спросил Чэн Чэ по дороге назад.

— О! Это специальная краска. Проявляется, когда я возбужден, а в обычном состоянии ее не видно. У всех в нашем племени такая. Хочешь, нарисую? — Гу Чэнь легкомысленно предложил.

Чэн Чэ загорелся желанием.

Дворецкий в ужасе хотел вмешаться, но его опередили. Цинь Цинъюэ, шедший позади, сделал шаг вперед, закрывая собой Чэн Чэ, и бесстрастно произнес:

— Господин Чэн и госпожа Лю не одобряют подобных рисунков на твоём теле. Ты забыл, как они относились к твоим прежним друзьям?

<http://bllate.org/book/21663/2235257>